

Путь: Орган русской религиозной мысли

7. Апрель 1927

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П90

П90 Путь: Орган русской религиозной мысли: 7. Апрель 1927 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 130 с.

ISBN 978-5-458-23484-9

«Путь: Орган русской религиозной мысли» журнал, издававшийся в Париже с сентября 1925 г. по март 1940 г., собравший на своих страницах все философские и богословские силы русской эмиграции. В редакционной статье «Духовные задачи русской эмиграции» («Путь», 1. Сентябрь 1925 г.) отмечалось, что журнал ставит своей целью сохранение преемственности в процессе существования русской духовной культуры, а также стремится к преодолению сформировавшейся к тому времени эмигрантской психологии, сильно политизированной и противоречивой в своем отношении к Русской Православной Церкви и Советской России, что создавало угрозу раскола русской эмиграции. Журнал «Путь» был изданием Религиозно-Философской академии (Париж), его редактором и вдохновителем был Н.А. Бердяев, соредактором Б.П. Вышеславцев, среди сотрудников Н. С. Арсеньев (1888-1977), С. С. Безобразов (впоследствии епископ Кассиан; 1892-1965), протоиерей Сергей Булгаков, Л. А. Зандер (1893-1934), В. В. Зеньковский, Л. П. Карсавин (1882-1952), А. В. Карташев (1875-1960), Н. О. Лосский, П. Н. Савицкий (1895-1968), кн. Н. С. Трубецкой (1890-1938), протоиерей Георгий Флоровский (1893-1950), С. Л. Франк (1877- 1950) и др. В дальнейшем состав сотрудников менялся, привлекались также немецкие и английские корреспонденты (Ж. Маритен, П. Тиллих, С. Оллард и др.). Всего с журналом за 15 лет его существования сотрудничали около 130 человек. Журнал насчитывал 61 выпуск при тираже 1000 1200 экземпляров. По своему формату это было интеллектуальное богословско-философское периодическое издание, включающее наряду с академическими статьями, публицистику, эссе, письма, мемуары. Библиотека Энциклопеди

ISBN 978-5-458-23484-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ды доннѣ звучить для насъ во всей своей полнотѣ, хотя часто и мы сами, и историческая среда мѣшаетъ намъ понять его и пойти за нимъ. Христіанскій разумъ такъ часто не овладѣваетъ, а нерѣдко и искажаетъ то, что вмѣстило христіанское сердце, но это, конечно, не отмѣняетъ дѣйствія въ сердцѣ вмѣщенного откровенія, а только ослабляетъ его.

Съ свободой во Христѣ именно такъ и обстоитъ дѣло. Сердцу христіанскому вѣдомъ призывъ къ этой свободѣ, близки и дороги откровенія свободы въ нашемъ сердцѣ, но какъ часто благовѣстіе свободы оказывается невмѣщеннымъ разумомъ или непонятнымъ и потому искаженнымъ! Это обстоятельство до крайности осложняетъ то столкновение двухъ путей свободы въ насъ, о которомъ мы говорили выше. Противостояніе естественнаго и благодатнаго, выдвигая задачу аскетическаго самоустроенія, требуетъ большой духовной зоркости, чтобы расчистить путь для этой аскетической работы. Естественное въ насъ такъ настойчиво и ясно, благодатное въ насъ такъ слабо и неуловимо, что отдѣльному человѣку трудно остаться на вѣрномъ пути. *Внѣ церковнаго сознанія*, внѣ этой пребывающей на землѣ благодати — внѣ Церкви, не только наши силы слабы, но и самое наше сознаніе можетъ запутать насъ. По слову Спасителя (Іоанн. 8:36) мы достигаемъ истинной свободы лишь въ томъ случаѣ «если Сынъ освободитъ насъ». И хотя неразрывность свободы и жизни во Христѣ утверждены здѣсь съ непрерываемой силой, однако и Апостоламъ пришлось въ своей проповѣди не разъ возвращаться къ этой темѣ. Значитъ — и тогда въ сознаніи вѣрующихъ путь свободы во Христѣ выступалъ для нѣкоторыхъ не съ достаточной ясностью — соблазны и трудности возникали на каждомъ шагу. Такъ, ап. Павелъ упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ (Галат. 2. 4.) о «лжебратіяхъ, скрытно приходившихъ подсмотреть за нашей свободой, которую мы имѣемъ во Христѣ [исусѣ]». Тутъ же ап. Павелъ убеждаетъ Галатъ (а черезъ нихъ и весь христіанскій міръ) «стоять во свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ» (Гал. 5, 1). Значитъ и тогда не легко было устоять въ христіанской свободѣ, и тогда была склонность отъ нея уйти, подмѣнить или исказить ее. Отказъ отъ свободы много разъ повторялся въ христіанскомъ мірѣ, и слово ап. Павла доннѣ звучить во всей силѣ, напоминаетъ намъ, что мы «призваны къ свободѣ». Мы должны стоять въ свободѣ, хотя она и трудна, вѣрнѣе потому и должны «стоять», что она трудна. Самыя трудности свободы тѣмъ же ап. Павломъ выражены съ чрезвычайной силой въ словахъ: «все мнѣ позволено, но не все мнѣ полезно» (I Коринѣ. 6, 12). Свобода во Христѣ шире, полнѣе, чѣмъ естественная свобода, ограниченная закономѣрностью природнаго и соціальнаго порядка, — но именно потому, что свобода во Христѣ снимаетъ эти границы нашего естества и открываетъ новый, широкій просторъ передъ нами, она требуетъ отъ насъ «стоянія» во Христовой свободѣ. Эта свобода безмѣрна и она можетъ своей безмѣрностью увлечь, если мы не будемъ аскетически устойчивы въ ней; высоко подымаетъ насъ эта свобода, но именно потому и велики ея трудности, — здѣсь

нужна неустанная борьба, чрезвычайная бдительность — а главное, благодатная помощь свыше. Въ путяхъ натуральной свободы нѣтъ той радости и той жизни, которая открывается въ свободѣ Христовой, но и нѣтъ тѣхъ трудностей, которыя предстоятъ всѣмъ, освобожденнымъ во Христѣ. Здѣсь — ключъ къ личнымъ и историческимъ традиціямъ христіанъ, въ свѣтъ которыхъ понятенъ горькій порывъ уйти отъ свободы, отказаться отъ нея...

Проблематика христіанской свободы имѣетъ свой индивидуальный и свой историческій аспектъ: то, что трудно каждому въ отдѣльности, было трудно и всему христіанскому міру. Разные пути, по которымъ пошелъ христіанскій міръ въ отдѣльныхъ группахъ, раздѣленіе на христіанскій Западъ и Востокъ и новое раздѣленіе на Западъ, — среди другихъ основныхъ своихъ моментовъ имѣло и различное отношеніе къ тайнѣ свободы. Какъ аромать, выдѣляемый цвѣткомъ служить средствомъ его распознаванія, такъ духъ свободы Христовой, какъ онъ выразился въ различныхъ исповѣданіяхъ, вводитъ насъ быть можетъ въ самую сердцевину разногласій, вскрываетъ не концы, а начала расхожденій. Мы часто склонны придавать построеніямъ ума руководящее значеніе въ этихъ расхожденіяхъ, но работа ума и здѣсь, какъ и всюду, лишь оформляла и заканчивала то, что началось въ глубинахъ сердца, въ самой тональности той музыки, которая рождалась въ сердцѣ.

Не все, что есть въ Православіи, есть у православныхъ, ибо даже глубочайшая вѣрность Православію еще не означаетъ, что оно открылось мнѣ во всей полнотѣ и глубинѣ. Но, срастаюсь съ Церковью, живя въ ней и учась, мы чувствуемъ, какъ много проникаетъ въ нашу душу помимо нашего сознанія, какъ обвиваетъ насъ таинственная жизнь Церкви. Нѣдра души нашей раскрываются, способность духовнаго зрѣнія становится больше, мы живемъ въ Церкви и накаплиемъ благодатныя озаренія. Эта жизнь въ Церкви, это непосредственное питаніе ею всегда глубже и полнѣе своего осознанія, и мы, православные, всегда ощущаемъ нѣкую невыразимость въ словѣ, нѣкую неопредѣлимость того, что открывается намъ въ Церкви. Живой церковный актъ никакъ не можетъ быть адекватно изъясненъ, и въ этомъ безсиліи человѣческаго слова еще ярче и глубже ощущается то, что Церковь есть жизнь, есть новое бытіе, къ которому надо приближаться всѣмъ своимъ бытіемъ же, а не одними лишь познавательными силами души. Тишина и радость, глубочайшій миръ и нѣкое «веселіе духовное», единеніе со всѣми во Христѣ и свобода въ ея высшемъ цвѣтеніи, — однимъ словомъ, спасеніе мое и спасеніе всего міра открываются въ своей близости, въ своей возможности... *Въ Церкви* мы живемъ, *ею* полны, *ею* питаемся, но умомъ ея тайну — какъ обнять? И въ той полнотѣ, которую взоръ открываетъ въ Церкви, въ томъ богатствѣ, отъ котораго мы питаемся, быть можетъ самое бесспорное и ясное, а въ то же время самое таинственное и живительное — это переживаніе свободы въ Церкви, переживаніе свободы и соборности. Мы

дышимъ этой свободой, живемъ ею, мы слѣдуемъ ей и питаемся, и черезъ всю душу нашу проходить эти излученія Церкви въ насъ.

Величайшимъ пунктомъ въ переживаніи свободы является для насъ Пасха — этотъ «праздниковъ праздникъ» и «торжество изъ торжествъ». Въ лучахъ Пасхи намъ дается до известной степени то же, что дано было видѣть тремъ ученикамъ Господа на горѣ Фаворѣ: все залито для насъ новымъ свѣтомъ, все обвѣяно ликованиемъ, ничто не остается заброшеннымъ и забытымъ, ибо «пришла крестомъ радость всему міру». Передъ вѣрующими открывается такой просторъ, вѣяніе свободы, и звучаніе радости такъ неотразимы, что всѣ исполняются нѣкоего священнаго восторга, нѣтъ мѣры въ ликованіи; слова ап. Павла, что «сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ» (Римл. 8: 21) открывается въ лучахъ Пасхи во всей своей силѣ и правдѣ. Воскресеніе Христово есть радость не только для насъ, но и для всего міра — это космическое звучаніе Пасхи неотразимо заполняетъ нашу душу. «Днесъ спасеніе міру», поетъ Церковь въ дни Пасхи, и мы ощущаемъ это, какъ вѣсть о томъ, что ничто въ мірѣ не отмѣняется и не подавляется во Христѣ, но все лишь «устраивается» и «спасается» — все должно просвѣтиться въ свѣтѣ Христовомъ. Во Христѣ все впервые находитъ себя, расцвѣтаетъ, становится «самимъ собой» — все «спасается», и оттого лучи радости заливаютъ всю землю, весь міръ, оттого ликуетъ Церковь, всѣхъ зовущая къ спасенію. Благовѣстіе свободы и есть благовѣстіе «спасенія» отъ всего, что искажаетъ, уродуетъ и ограничиваетъ бытіе; свобода открывается здѣсь какъ преображеніе и освобожденіе отъ «рабства тлѣнію». Натуральному открытъ путь къ преображенію во благодатное — въ этомъ и есть ликованіе Пасхи, ея смыслъ и радость. Та тихая и неповторимая безпечность, которую дано всѣмъ узнать въ дѣтствѣ и которая есть какъ бы отсвѣтъ рая въ насъ, отблескъ утраченной жизни въ Богѣ, здѣсь снова возвращается намъ, какъ благодатный даръ Пасхи, — и сердце наше ощущаетъ любовь Божію въ такой близости, въ такой ея безмѣрности, что преисполняется снова неповторимой и счастливой безпечности. Мы все готовы обнять — и въ порывѣ любви все и обнимаемъ; мы всему радуемся, все прощаемъ, со всѣмъ миримся — и даже въ нашемъ сердцѣ, просвѣтленномъ лучами Пасхи, всему есть мѣсто, всему дается просторъ. Все имѣетъ передъ собой возможность спасенія. — все въ цвѣтеніи своемъ не погубить иного, все свободно, но и все можетъ сочетаться со всѣмъ въ любви. Откровеніе свободы во Христѣ достигаетъ въ Пасхѣ своего полнѣйшаго выраженія и раскрывается именно какъ путь спасенія и обоженія, путь преображенія и побѣда жизни надъ смертью.

То, что несетъ намъ Пасха, пребываетъ и нынѣ и всегда съ нами, если только мы умѣемъ слышать это. Для прелод. Серафима свѣтъ Пасхи былъ незаходящимъ, и онъ каждый день встрѣчалъ всѣхъ пасхальнымъ привѣтствіемъ — «Христосъ Воскресъ». Чѣмъ больше мы живемъ въ Церкви, чѣмъ больше питаемся отъ нея, тѣмъ ближе мы и къ этому воспріятію міра въ лучахъ Пасхи. И какъ счастливая тишина,

охватывающая насъ на Пасху, открываетъ намъ глубочайшій смыслъ дѣтской безпечности, такъ и это окровене свободы, которое предносится намъ на Пасхѣ, по новому освѣщаетъ «натуральныя» движенія свободы. Эти натуральныя стремленія свободы есть тоже явленіе дѣтства въ насъ, отсвѣтъ рая, отблескъ первоизданной близости къ Богу, нѣкое ясновидѣніе сердца, ждущаго Христовой помощи. Однако и здѣсь и тамъ надо сказать одно: свобода во Христвѣ дается намъ лишь по благодати, она не можетъ быть достигнута ни въ порядкѣ «естественной» эволюціи, ни въ порядкѣ самосовершенствованія, — тутъ нѣтъ никакой необходимости или законмѣрности. Свобода Христова приходитъ къ намъ лишь какъ благодатное осѣяніе Духомъ Святымъ, и ея предусловіемъ является смиреніе и преданіе себя на волю Божію. Этимъ сразу опредѣляется отношеніе свободы во Христвѣ къ натуральной свободѣ — она покоится ни на уничтоженіи натуральной свободы, ни на ея усовершенствованіи или развитіи: это есть просто иной, благодатный порядокъ, имѣющей лишь преобразовать натуральную свободу, «оправдать» ее, дать ей расцвѣсть въ полнотѣ ея и правдѣ. Какъ же это возможно?

Натуральная свобода, проявляясь въ стремленіи нашемъ сбросить съ себя внѣшнее опредѣленіе и принужденіе, имѣетъ ввиду превратить нашу активность въ активность нашего я, сдѣлать ее исходящей изъ нашего внутренняго міра. Но средоточіемъ нашего внутренняго міра — это зналъ уже Ветхій Завѣтъ, но чрезвычайно настойчиво приводитъ какъ разъ Новый Завѣтъ — является наше сердце. Въ моральной и религиозной оцѣнкѣ существеннымъ является то, чѣмъ живетъ наше сердце — ибо «гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше». Изъ сердца исходятъ, по слову Спасителя (Мате. 15, 19) всѣ злыя дѣла наши, — изъ сердца же исходятъ и все доброе наше и «чистые сердцемъ — Бога узрятъ». Въ этомъ ученіи Новаго Завѣта, опредѣлившемъ весь нашъ моральный и религиозный строй, не только открывается и истинное средоточіе нашей души, но и снимается тотъ «законъ», подъ которымъ жилъ Ветхій Завѣтъ и который извнѣ регулировалъ жизнь людей. Перенесеніе центра тяжести на «сердце», ученіе о томъ, что Богу нужно наше сердце, а не внѣшнія дѣла, что смиреніе мытаря больше оправдываетъ его, чѣмъ добродѣтель — фарисея, означаетъ глубочайшій сдвигъ въ самой «натуральной» свободѣ. Христіанство заканчиваетъ эпоху закона) т. е. освобождаетъ отъ власти закона и этимъ чрезвычайно расширяетъ предѣлы и углубляетъ смыслъ натуральной свободы. Въ Христвѣ открывается новая правда о человѣкѣ, изъясняется даръ свободы, присущій всѣмъ. Человѣкъ становится самимъ собой, лишь опредѣляясь въ сердцѣ своемъ — и это обращеніе къ сердцу, раскрытіе истиннаго источника нашего поведенія есть вмѣстѣ съ тѣмъ окончаніе законничества, т. е. внѣшняго опредѣленія нашей активности.

Но это обращеніе къ сердцу, выводя изъ подъ власти закона, таитъ въ себѣ чрезвычайно трудности, въ преодолѣніи которыхъ мы безъ Господа дѣйствительно не

можем ничего сотворить. Если слѣдовать императивамъ сердца, то очень скоро открывається, что внутренній міръ нашъ, пока онъ берется въ своей непросвѣтленности и натуральности, представляетъ намъ хаосъ и тьму. Уже въ раннихъ христіанскихъ писаніяхъ — впервые съ особенной силой у Макарія Великаго, а затѣмъ у всѣхъ аскетовъ — раскрывается зловѣщее наше «подполье», та тьма, въ которой пребываетъ наше сердце. Пока мы въ него не заглядываемъ, мы не подозрѣваемъ всего хаоса и буйства, царящихъ въ немъ движеній, но обращеніе къ сердцу, не подкрѣпленное силами свыше, обрекаетъ насъ на нѣкій мистическій импрессионизмъ, а вся этика пріобрѣтаетъ характеръ мистическаго натурализма. Мы слѣдуемъ императивамъ сердца — и этотъ аномизмъ и иррационализмъ легко переходитъ, въ силу непросвѣтленности сердца, въ аморализмъ. Мы не можемъ совладать съ нашей свободой, съ буйствомъ и хаосомъ нашего сердца и горько сознаемъ, что хотя намъ «все позволено», но «не все полезно». Мы начинаемъ понимать, что одно обращеніе къ внутреннему человѣку, къ его сердцу еще не вводитъ насъ въ тайну свободы, хотя уже выводитъ на просторъ ея: безблагодатная свобода оказывается безсильной и безкрылой. И когда ап. Павелъ пишетъ: «мы не подъ закономъ, а подъ благодатью» (Римл. 6, 15), то обѣ части этой мысли должны быть соблюдены, чтобы вмѣстѣ благовѣстіе свободы. Его смыслъ заключается больше въ томъ, что мы «подъ благодатью», чѣмъ въ томъ, что мы «не подъ закономъ», ибо послѣднее заключается въ первомъ, но не наоборотъ: одно освобожденіе отъ закона еще не вводитъ насъ въ царство благодати. Перенесеніе центра тяжести на внутренняго человѣка и совпадающее съ этимъ преодолѣніе внѣшняго закона, обращеніе къ сердцу, взятому въ его натуральныхъ движеніяхъ, вѣрно лишь, какъ первый шагъ въ освѣщеніи человѣка свѣтомъ Христовымъ. Христосъ расширяетъ безмѣрно нашу натуральную свободу, но для того, чтобы мы свободно пришли къ Нему, чтобы мы въ Немъ просвѣтили «естественную» тьму нашего сердца. Безъ этого, безъ аскетической работы надъ собой и смиреннаго отданія себя Богу, расширенная до безмѣрности свобода влечетъ на болѣе даже роковой путь, чѣмъ это было въ эпоху закона.

Эти трудности вращаются вокругъ все того же — вокругъ соотношенія въ насъ, въ нашей жизни натурального и благодатнаго. Христіанство, перенося центръ тяжести на внутренняго человѣка, безмѣрно расширяетъ даръ свободы, но сердце въ своемъ естествѣ (послѣ грѣхопаденія!) есть хаосъ, изъ котораго самъ человѣкъ выбраться не можетъ. Поэтому обнаженіе нашей природной тьмы должно быть соединено съ благодатной помощью — и такъ какъ благодать намъ дается свыше, но не достигается нашими усиліями, вообще приходитъ свободно, а не по необходимости, то передъ христіанской совѣстью возникаютъ здѣсь трудные и даже роковые вопросы. Внутренняя ясность, присущая здѣсь Православію, обусловлена всѣмъ его духомъ, и это отчетливо усматривается даже при бѣгломъ его сопоставленіи съ другими исповѣданіями.

Дѣйствительно — мы и въ католицизмѣ находимъ глубокое сознаніе, что анонизмъ (освобожденіе отъ «закона») можетъ быть подлинно преодолено лишь въ Церкви; поэтому и въ католицизмѣ мы находимъ послѣдовательное и глубокое передвиженіе тайны свободы изъ отдѣльной личности въ Церковь. Но въ духовныхъ перспективахъ католицизма это въ сущности связано съ подавленіемъ личности. Вся ея свобода исчерпывается и заканчивается отдачей своей свободы Церкви, послушаніемъ ея авторитету; внутренній хаосъ поэтому не преодолевается и не просвѣтляется, а просто отсѣкается; самая связь личности съ Церковью покоится на *внѣшнемъ* усмиреніи хаоса въ сердцѣ, т. е. на *бѣгствѣ личности отъ самой себя*. Въ силу этого въ католическую мистику вкрались тона гностическаго дуализма, нѣкоторое презрѣніе къ тѣлу и къ природѣ, къ плоти индивидуальной, національной, исторической. «Естество» въ его реальномъ многообразіи, въ хаосѣ его природныхъ движеній не идетъ къ просвѣтленію, — благовѣстіе свободы оказывается поэтому не до конца понятымъ. Личность, въ ея своеобразіи, въ ея реальномъ содержаніи, не спасается во Христѣ, какъ таковая, но спасается *отъ* себя, и система христіанской свободы неизбежно переходитъ въ систему новаго, христіанскаго законничества. Характернѣйшимъ выраженіемъ этого является психологія послушанія Церкви. Безъ «послушанія» Церкви, т. е. отдачи своего индивидуальнаго разума, своей воли Церкви нельзя мыслить ея соборности — ея внутренняго единства и цѣльности, ея органической общности; поэтому пребываніе въ Церкви даетъ себя чувствовать въ церковной дисциплинѣ. Но это понятіе церковной дисциплины до такой степени приобрѣло внѣшній смыслъ въ католичествѣ, что на долю послушанія, какъ *свободнаго* акта, остается лишь начало общенія съ Церковью, а затѣмъ уже въ личности нѣтъ мѣста послушанія, а есть лишь мѣсто подчиненію. Православіе не менѣе католицизма чтить послушаніе, но для него оно вырастаетъ на почвѣ любви къ Церкви, какъ вѣчно живой и свѣжій актъ слиянія съ Церковью: послушаніе поэтому *не начинается*, а лишь выражаетъ и реализуетъ это сродненіе съ Церковью, свободный смыслъ котораго никогда не исчезаетъ. Въ силу этого аскетика въ Православіи имѣетъ *радостный* характеръ, какъ движеніе къ обоженію и просвѣтленію, а въ католичествѣ она угрюма, связана часто съ презрѣніемъ къ міру и его движеніямъ. Своеобразный «христіанскій спиритуализмъ», съ такой силой разившійся въ протестантизмѣ, кроется уже въ этомъ равнодушіи католицизма къ реальной личности, въ нечувствіи того, что и къ ней относится благовѣстіе свободы, что спасется, преобразится и обожится конкретная полнота личности. Глубочайше съ этимъ связано и то, что въ католицизмѣ выступаетъ уже съ противоположными чертами — какъ своеобразный «христіанскій матеріализмъ» — именно его теократическій замыселъ, его мысль осуществить Царство Божіе черезъ власть, черезъ законъ, какъ бы *минуя* внутренній міръ человѣка. Историческое бытіе собственно не освѣщается и не преобразуется, а внѣшне отсѣкается отъ природной полноты, чтобы получить церков-

ную форму. Торжество этой церковной формы, такъ сказать, внѣшнее оцерковленіе бытію придаетъ самой церковности внѣшній характеръ — это мы и назвали «христіанскимъ матеріализмомъ», ибо здѣсь не духъ церковности, а ея матерія выступаютъ на первый планъ. Неизбѣжное при этомъ историческое и мистическое сосредоточеніе церковной активности въ клиръ, оскудѣніе активности во всемъ остальномъ церковномъ тѣлѣ — все это внутренне связано съ неполнымъ воспріятіемъ благовѣстія свободы. Свобода пребываетъ въ Церкви, *но не естъ и въ Церкви пріобщаются къ ней*, — отсюда естественное (исторически даже продуктивное) развитие внѣшней церковной дисциплины, подмѣнъ христіанскаго послушанія, восходящаго къ свободному и любовному преданію себя Церкви, — подчиненіемъ авторитету клира. Конечно, все это не могло какъ и ничто не можетъ совершенно устранить вѣяніе свободы Христовой въ католическомъ мірѣ, ибо «гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода» но опыту свободы не на что опереться въ католицизмѣ. Хаосъ внутренняго нашего міра, открывающійся съ освобожденіемъ отъ закона, ограничивается, но не закономъ Христовымъ (см. напр., Римл. 8, 2), но закономъ авторитета, сосредоточеннаго въ клиръ. Натуральное должно въ насъ замереть и стусеваться, чтобы уступить мѣсто благодатному; но этотъ спиритуализмъ въ отношеніи къ личности, въ исторіи неизбѣжно порождаетъ — въ отношеніи къ Церкви — противоположную крайность: **черты христіанскаго матеріализма въ теократическомъ замыслѣ звучатъ** потому даже въ мистическомъ переживаніи Церкви. Многое въ исторіи католичества, въ мистикѣ папизма (очень сложной и напряженной) должно быть объяснено отсюда. Здѣсь же корни и цѣлаго ряда особенностей въ мистическомъ строѣ у католическихъ святыхъ и подвижниковъ (конечно, выключая Св. Франциска Ассизскаго). Нельзя не отмѣтить, что главнымъ сюжетомъ церковнаго творчества въ католичествѣ является Распятіе, а не Воскресеніе Христово — въ полную параллель къ этому и все бытіе знаетъ лишь свою Голгоѳу, не зная воскресенія. Презрѣніе клира къ браку такъ же здѣсь характерно, какъ и презрѣніе его къ языку, къ національному началу: цвѣтеніе историческаго бытія въ различныхъ народныхъ индивидуальностяхъ лишь мѣшаетъ католицизму! Языкъ — это удивительное проявленіе и проводникъ національнаго духа — не освящается въ католичествѣ, которое предпочло, чтобы во всемъ католическомъ мірѣ богослуженіе совершалось на одномъ и томъ же языкѣ — и при томъ мертвомъ. И національное бытіе такимъ образомъ знаетъ лишь свое распятіе, но не знаетъ своего воскресенія и освященія въ Церкви: такъ и все бытіе, вся «природа» — во Христвѣ не обрѣтаетъ своей свободы, не спасается въ своемъ своеобразіи, но лишь черезъ отказъ отъ самого себя приходитъ ко Христу...

Протестантизмъ, во всѣхъ его проявленіяхъ былъ въ христіанскомъ Западѣ реакціей духа свободы, какъ его оставилъ намъ Христосъ. Начало свободы, какъ бы сдавленное и до крайности ограниченное, нашло здѣсь свой выходъ, нашло для себя

просторъ. Личности былъ возвращенъ даръ свободы, но въ силу историческихъ условий онъ былъ понятъ совершенно внѣцерковно, какъ всецѣло индивидуальное начало. Хаосъ натуральной свободы, подстерегающій насъ на порогѣ христіанской свободы, преодолевается здѣсь силами *самой* же личности, ея внутреннимъ самоустроениемъ. Идея «автономной» этики, выдвинутая Кантомъ, выражаетъ поэтому глубочайшую мысль протестантизма — но какъ разъ въ ней съ полной ясностью выступаетъ тотъ же мотивъ законничества, который звучитъ и въ католичествѣ. Правда, это не внѣшній законъ, не авторитетъ церкви, а внутренний законъ, открывающійся въ глубинахъ личности. Протестантизмъ, въ его учени о невидимой Церкви, совершенно уже явственно наклоняется въ сторону христіанскаго спиритуализма; все натуральное бытіе не можетъ быть оцерковлено и не нуждается въ этомъ: *для него достаточна ея натуральная свобода*. Все бытіе, само въ себѣ, внѣ Христа и Церкви Его, свободно, какъ таковое, не нуждается для того, чтобы быть свободнымъ ни въ освященіи, ни въ преображеніи. Личность, національность, историческій потокъ имѣютъ, такъ сказать свое «естественное» богословіе, внѣ дѣла Христова; лишь сердце человѣка, въ движеніи вѣры и любви, усваиваетъ Его дѣла. Эта невоплотимость правды Христовой въ реальности и отдѣляетъ Церковь отъ всей реальности; оттого собственно въ Церкви нѣтъ ничего историческаго, въ ней ничего не нарастаетъ черезъ исторію, ничего онтологически не накапливается. Культура развивается въ своихъ автономныхъ сферахъ, независимо отъ Церкви; культура свободна *per se* и не нуждается въ «спасеніи» черезъ дѣло Христово. Система христіанскаго спиритуализма приводитъ къ тому, что въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть Христовой свободы — въ мірѣ царитъ и себѣ довлѣетъ натуральная свобода. Чтобы «стоять» въ ней нужно въ самомъ себѣ обрѣсти высшій законъ, т. е. *стоять, по существу, въ самомъ себѣ*. Это переводитъ отъ христіанскаго спиритуализма къ тому религіозному имманентизму, который такъ часто обнаруживается въ культурѣ протестантизма. Отсюда же новое усиленіе, религіозное освященіе индивидуализма, оставленнаго въ наслѣдіе Европѣ Римомъ, и расцвѣтшаго религіозно лишь на почвѣ протестантизма. Личность святится черезъ раскрытіе и совершенствованіе самой себя, идеаль свободной, законченной въ себѣ, стойкой и независимой ни отъ него и ни отъ личности, идеаль достоинства человѣческаго, вѣра въ индивидуальный разумъ, въ сущности абсолютный этический плюрализмъ — таковы духовныя перспективы, открывающіяся въ протестантизмѣ.

Какъ все иначе въ Православіи! Какъ трудно намъ раздѣлить духовную установку католицизма, при всей близости въ догматическомъ сознаниі, какъ трудно принять систему христіанскаго спиритуализма въ протестантизмѣ, при всемъ совпадениі въ духѣ свободы! Въ католицизмѣ мы не можемъ принять его отреченія отъ свободы; для насъ — тотъ хаосъ во внутреннемъ нашемъ мірѣ, который насъ ожидаетъ на порогѣ свободы, не ведетъ къ отказу отъ свободы, а наоборотъ, впервые

как раз ставить ее задачу, определять ее проблему. Именно потому, что освобожден от внешнего закона сердце стоит перед опасностью мистического импрессионизма, путь свободы и должен быть путем просвещения внутренней тьмы, благодатного преодоления внутреннего хаоса. Если мы не под законом, то будем же под благодатью — и в снискании благодати и лежит путь к тому, чтобы устоять в свободе, к которой нас призвал Христос. А это значит, что обрести свою свободу мы можем лишь в Церкви и с Церковью. Этим Православие резко отграничивается от протестантского понимания свободы: нам чужд индивидуализм и рационализм, чуждо все учение о личности, как самостоятельном, самодостаточном начале (что вовсе не осуждает православную мысль на имперсонализм) — *чуждо и учение о разуме, как функции личности. Лишь в Церкви расцветает личность*, а вне Церкви она бессильна и не может справиться с своей свободой; лишь в разуме Церкви завершается и становится органом истины мыслительная жизнь личности. Но Церковь вовсе не поглощает личности, не насилует ее свободы и разума, вообще не внешне действует на личность. Найти себя в Церкви это значит — освободиться от погруженности в самого себя, встать на путь смирения и на нем ощутить себя в связи с живым целым; это значит — не отказываясь ни от чего в себе, научиться все осмысливать не с точки зрения своей отдельности, а с точки зрения Церкви. Преодолевая иллюзию своей самодостаточности и восполняя себя в Церкви, мы впервые можем дать простор всему в нас своеобразному и неповторимому, стремясь к его «оцерковлению» — но не внешнему, а внутреннему, через очищение сердца, через внутреннее сияние души благодатью. Вера во Христа так же не осуществляет еще в нас свободы во Христе, как вера не осуществляет в нас и любви Христовой. Свобода во Христе есть состояние благодатное, достижимое лишь в Церкви, но раскрывающееся в каждой личности, как ее свобода. Путь к этому воскресению натурального в благодатном идет через смирение, т. е. через действительное преодоление замкнутости в себе и сращение с Церковью. Но это смирение всегда само должно быть свободным, исходить из глубин души, определяться сердцем, чтобы раскрыть возможность лучами благодати проникать в тайники нашего существа. Смирение, растущее из любви к Богу, есть тоже принесение себя в жертву Богу («да будет воля Твоя»), но оно уже есть и начало просвещения нашего сердца и восстановления всего его состава в благодатном порядке. Это смирение не только не ослабляет личности, а наоборот, дает ей силу, свободу — и потому для Православия совершенно немислимо сосредоточение церковной активности в клире: все церковное тело есть субъект этой активности.

Свобода во Христе раскрывается в личности, *но не личность является субъектом свободы*, а Церковь в целом: свобода во Христе дана Церкви, значит дана и нам в Церкви, но она не дана и неосуществима в отдельном, вне Церкви

стоящемъ человѣкѣ. Какъ истина вручена разуму Церкви въ цѣломъ, а въ отдѣльномъ человѣкѣ, въ его разумѣ раскрывается неполно и частично, такъ и свобода дана Церкви и въ ней лишь осуществляется, а отдѣльная личность обрѣтаетъ свою свободу и реализуетъ ее не сама по себѣ, а лишь въ Церкви.

Но какъ же мыслить личность свободной, если она свободна лишь въ Церкви, если субъектомъ свободы является Церковь, а не личность. Не имѣемъ ли здѣсь дѣло въ сущности съ такимъ пониманіемъ свободы, которое является болѣе глубокимъ ея отрицаніемъ, чѣмъ это мы находимъ въ католичествѣ, гдѣ лишь безсиліе свободы, ея трудности и искушенія ведутъ къ отреченію отъ нея? Въ системѣ же, набросанной выше, личности приписывается: безпредѣльная свобода до слиянія съ Церковью, но свобода роковая и безсильная, а затѣмъ *нѣкое пребываніе въ свободѣ въ Церкви*. Отъ личности не отнимается ли самое глубокое, самое священное въ ней — царь ея свободы? Не содержитъ ли въ себѣ намѣченное выше пониманіе свободы, какъ свободы Церкви и въ Церкви — глубочайшее отрицаніе свободы въ человѣкѣ и перенесеніе всей свободы къ Богу (въ Его дѣйствіяхъ въ человѣкѣ)? Вѣдь если истинная свобода открывается намъ тогда, когда мы соединяемся съ Церковью, т. е. есть нѣкій благодатный фактъ, не зависящій отъ самого человѣка, то это его «пребываніе въ свободѣ» есть ли его свобода? Не есть ли такая наша свобода лишь свобода Бога въ насъ? Не есть ли наша активность съ мистической точки зрѣнія, не наша собственно, а лишь дѣйствіе Бога въ насъ? Это такъ же можетъ привести насъ къ квіетизму, какъ и къ своеобразному мистическому окказионализму, при которомъ въ человѣкѣ нѣтъ собственно никакой его активности, но вся активность отъ Бога, а человѣку принадлежить лишь быть орудіемъ Бога?

Нельзя отрицать всей серьезности и умѣстности этихъ вопросовъ. Мы здѣсь подходимъ къ труднѣйшимъ проблемамъ метафизики христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ существеннымъ сторонамъ благовѣстія свободы, какъ его сохранило Православіе. Оно отвѣчаетъ на поднятые вопросы ученіемъ о соборности Церкви — ученіемъ недостаточное еще формулированнымъ, но тѣмъ болѣе глубокимъ въ его живомъ откровеніи въ Церкви.

«Соборность» Церкви есть прежде всего выраженіе ея вселенскаго духа. Не внѣшнее распространеніе Церкви въ мірѣ создаетъ ея вселенскость, а наоборотъ, — самое это распространеніе Церкви выявляетъ и реализуетъ внутреннюю устремленность къ тому, чтобы охватить и освятить весь міръ, чтобы своей благодатной силой спасти его. Этой устремленности Церкви къ спасенію всего міра отвѣчаетъ и то, что въ Церкви уже пребываетъ весь міръ, — хотя самъ міръ этого не знаетъ и въ значительной своей части даже и не хочетъ этого. Но Церковь, насажденная Спасителемъ, стала душой міра, его сокровеннымъ средоточіемъ, мѣстомъ встрѣчи божественнаго и человѣческаго, т. е. возможностью просвѣтлѣнія и обоженія міра и человѣка. Потому все и можетъ быть оперковано, что все уже заключено въ